

Эдуард Лимонов,

главный гранатомет "НВ"

ПИМОНКА В АРМИЮ

В 1992-1993 гг. совершил я множество пропагандистских поездок по России (включая Сибирь), и почти в каждом городе встречался мне типичный военный патриот, полковник или подполковник, а то и несколько таких военных патриотов. Пылкий (пассионарный) и романтический, вставал он обыкновенно (над столом, увы!) и провозглашал тост (увы, тост), пляшущий ненавистью к режиму и правительству. От всех поездок того года у меня создалось впечатление, что военная Россия только и ждет сигнала из Москвы, из Центра, чтобы восстать.

И вот они дождались. В период с 21 сентября по 4 октября 1993 года такие сигналы непрерывно поступали из Центра, из парламента. И от высших командиров страны. Генералы Ачалов, Руцкой, Макашов, другие командиры, бывшие и настоящие министры и депутаты давали приказы, соблазняли, умоляли. (Первые несколько суток я находился в штабе Ачалова, так что лично убедился.) Но ни старшие, ни (что более удивительно) младшие офицеры, те, кто непосредственно командует вооруженными людьми, не выступили с оружием и солдатами. (За редкими трагическими, очень неуклюжими исключениями. О них писала пресса.) Почему?

Да потому, что раздражаемые желанием выступить военные патриоты в армии находились в нормальном ПОЛИТИЧЕСКОМ состоянии духа. А в таком состоянии трезвый подсчет "ЗА" и "ПРОТИВ" ("против": тюрьма, смерть, несчастная судьба для семьи, родственников, потеря статуса офицера; "за" — жизнь, карьера, покой) приводил их в лучший случай к бездействию. И так будет всегда, если оставаться в нормальном политическом измерении. Восстать возможно, но для этого нужно перейти в другое, ненормальное состояние духа, в фанатизм, в героизм, и вот в нем, в его контексте — восстание с оружием в руках есть поступок ВЫГОДНЫЙ. Самураи, живущие рядом со смертью, понимали это. "Невозможно совестили героические подвиги в нормальном состоянии рассудка. Нужно сделаться фанатиком и вы

работать манию к смерти", — писал Йоши Ямамото, самурай XVII века. Истину эту нужно знать всякому командиру батальона, всякому русскому ротному. Героизм — особое состояние, в него нужно войти, возбудив себя до него. И тогда всякие подсчеты станут жалкими. Сумевших подняться до высот героизма и восстать народ чтит героями вне зависимости от того, преуспели они в своем восстании или нет.

Расчетливые офицеры жалко кончают жизнь мирными старичками-отставниками, помня от инфаркта на садовых скамейках или во сне. Ставшие обузой даже для семьи, они тихо исчезают из жизни. Герои уходят с грохотом, в дыму сражений и остаются любимыми своим народом до самых пределов истории и памяти человеческой. Героизм, героическое отношение к жизни в советских школах не преподавали, искусство стать фанатиком — тоже, потому здоровые, рослые, сильные молодые мужчины и остаются любимыми своим народом до самых пределов истории и памяти человеческой. Героизм, героическое отношение к жизни в советских школах не преподавали, искусство стать фанатиком — тоже, потому здоровые, рослые, сильные молодые мужчины и остаются любимыми своим народом до самых пределов истории и памяти человеческой. Героизм, героическое отношение к жизни в советских школах не преподавали, искусство стать фанатиком — тоже, потому здоровые, рослые, сильные молодые мужчины и остаются любимыми своим народом до самых пределов истории и памяти человеческой. Героизм, героическое отношение к жизни в советских школах не преподавали, искусство стать фанатиком — тоже, потому здоровые, рослые, сильные молодые мужчины и остаются любимыми своим народом до самых пределов истории и памяти человеческой.

Я беседовал с офицерами ВДВ (в мае 94-го года) и задал им несколько вопросов. Разговор состоялся на их территории, за бутылкой, и ответы потому были неофициальные. "За кем пойдете?" — спросил я их. И не получив связанного ответа, задал наводящий вопрос: "За гражданским пойдете?" — "Нет, не пойдем". — "Значит, за военным? За кем? За Макашовым пойдете?" — "Не, он в Афгане своих людей подставил — роту потерял". — "Ну, а за кем пойдете?" — "За Лебедем пойдем". — "А то, как он ведет себя в Приднестровье, вас не смущает?" — "А как ведет?" — "Ну как сварливая истеричная барышня, грызется с правительством Приднестровья, дискредитирует республику". — "А это нам все равно. Лебедь хороший командир". — "Почему же он хороший? Когда он в

Приднестровье появился, на него там да, Богу молились. Во всей России он самым популярным лидером стал в августе 1992 года, но теперь склочничает и выносит сор из избы". — "Лебедь хороший командир. В Афгане у него меньше всего потерь было".

Тут я их понял. Для офицеров ВДВ хороший и популярный командир тот, кто своих людей оберегает, не подставляет. Осторожный то есть. Осторожность же имеет обратную сторону: оборачивается отсутствием инициативы. Для армии осторожный командир — благо. Для России в ее сегодняшней издыхающей фазе осторожный командир — вред. Лебедь с виду такой картинный мужчина — голос гобойный, челка, тельняшка — почти герой, а между тем, он дипломат, и какой. О президенте: "...я действия президента не обсуждаю", как полагается верному служаке. Однако, когда Суворов Екатерину II искренне и преданно матушкой называл, в те времена Россия и в весе, и в территории прибавляла, а при президенте Ельцине Россия астрономические пространства потеряла, на Кавказе оружия национальным мерзавцам тонны наоставляли, народы целые воют от боли... А "герой" в тельняшке, утирированно картинный мужик, военная косточка "действия президента не обсуждает". (Российского нет, не обсуждает, но приднестровского открыто обвиняет вместе со всем кабинетом в коррупции, ибо не начальник ему Смирнов. Между тем Приднестровье находится в состоянии замороженной войны с Молдовой, и потому все внутренние распри и расколы там неблагоприятны и работают против республики. Даже если там кто-то виноват, следовало бы молчать.)

Так что пусть за Лебедем и готовы идти офицеры ВДВ, он никому ничего не повел в благоприятном ему 1992 году и, как видим, не собирается вести и в 1994-м. Зато раздраженный своей нерешительностью, негероический, но с виду вылитый герой генерал Лебедь в сердцах шпынует приднестровское правительство. Генерал Лебедь, новые государства строятся не идеальными людьми,

но те, кто восстает и строит их, все же герои, а критиковать восставших — последнее дело. Эх, генерал Лебедь, мне бы твою 14-ю армию! Я бы знал, как с нею обратиться!

Совместными усилиями многие факторы: и политики с отрицательным знаком (то есть вредные для России, негативные), и убогая рабская философия служилых людей, привыкших к подчинению (унаследованная от советского времени), разрушили наши Вооруженные Силы. Они есть, но их нет. (Единственное исключение — они есть в Таджикистане, где недоеванная война в Афганистане рвется к Москве. Опасно недооценивать войны! Афганскую войну следовало или не начинать, или начав, — выиграть.) Генералы у нас либо вульгарные воры в погонах, либо "честные" служаки, что в применении к нынешней ситуации есть предательство интересов нации. Самая лучшая категория генералов у нас отставники, но эти крепки задним умом. Когда они находились на постах и должностях, то не были патриотами, зато сделали так, чтобы в отставке. Однако генерал без армии равен солдату. Младшие офицеры у нас, к сожалению, лишены латиноамериканской или африканской бравадной амбициозной храбрости и предпочитают "ждать сигнала", а то и ничего не ждать, но водку пить. Судьба Советской Армии трагична. А русской национальной армии не может быть, пока не создано русское национальное государство. Национальной России придется опять, как в 1918 году, заново создавать новую армию на новых началах. Восстанет же и спасет страну не армия, а радикальная националистическая молодежь. Вне сомнения, в рядах восставших будет немало лейтенантов и капитанов, но армии как организму — Советской Армии — ей капут.

То, что к этому неприятному и трагическому выводу пришел именно я, певец мужества войны, певец армии (уже в 1971 г. я написал "Оду Армии"), еще более усугубляет приговор. Он окончательный и обжалованию не подлежит. Советская Армия мертва.

Лимонов Эдуард

24.9.94.